

Дмитрий ФУРМАН ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТРЕТИЙ МИР

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ
ПРО АЗЕРБАЙДЖАНСКУЮ ДЕМОКРАТИЮ

ОПИСАТЬ И ПРОАНАЛИЗИРОВАТЬ события в Азербайджане — путч С. Гусейнова, приход к власти Г. Алиева и последовавшие за этим перемены в стране — очень трудно: то, что мы видим на поверхности, — лишь самая верхушка айсберга. Можно только предполагать, например, что во время недавней поездки Г. Алиева в Москву обсуждались отнюдь не одни экономические проблемы Нахичевани. Но с кем шло обсуждение, к каким результатам оно привело, о том известно самому узкому кругу людей. О чем вели переговоры А. Эльчибей и Г. Алиев? Уговаривал ли Г. Алиев президента на время покинуть Баку с целью заявить потом, что он поражен его дезертирством? О чем говорили Г. Алиев и С. Гусейнов?

Все эти события — сплошные тайны бакинского и московского «дворов», клубок действий разных более или менее мафиозных кланов, военных и спецслужб, руководствующихся собственными интересами или каким-то своим пониманием государственных интересов и т. д. Разобраться в этом клубке непосвященному практически невозможно. Но хотя стараться понять хитросплетения азербайджанской политики дело безнадежное, можно попытаться найти какой-то общий ритм этих событий — за хаосом иррациональных движений отдельных индивидов увидеть общую логику политической жизни страны.

События последних лет в Азербайджане — своеобразная модификация общего советского и «постсоветского» исторического ритма — либерализация и появление демократических движений (в большинстве республик в форме «народных фронтов»), приход этих движений к власти или, во всяком случае, их рост и пребывание «рядом» с властью, распад СССР и КПСС и повсеместная замена коммунистической и советской символики на национальную и демократическую. Затем — разочарование в новых режимах, рост ностальгии по прошлому и, в разных формах и разной степени, — укрепление позиций или возвращение к власти старой номенклатуры, но уже «на новом витке спирали», освободившейся от ненужной ей более коммунистической идеологии, от СССР и подчинения Москве. Этот ритм в разных национальных формах мы видим практически повсеместно в бывшем СССР, и то, что нас интересует в Азербайджане, — это не столько данный общий ритм, сколько его специфически азербайджанская модификация.

И здесь прежде всего бросается в глаза, что форма, в которой эта последовательность тенденций и событий проявляется в Азербайджане, очень не похожа на ту, в какой она проявляется у наиболее близких к Азербайджану по культуре народов Средней Азии. В Средней Азии

Статья продолжает намеченную редакцией серию публикаций, посвященных историческим судьбам народов и республик, входивших в состав распавшегося Советского Союза. Одна из них, «Армянское национальное движение. История и психология», была помещена в «Свободной мысли», № 16 за 1992 год. — *Ред.*

период демократизации очень недолог, и нигде, кроме Кыргызстана, не привел к победе новых «демократических» движений. Партноменклатура не только не утратила власти (власть она фактически не утратила нигде), но по сути дела и не меняла методов управления, сохранив монопартийные системы и лишь на очень недолгий период допустив существование оппозиционных партий, которые она затем, освободившись после распада СССР от необходимости «оглядываться» на либеральную Москву, благополучно «прикрыла». Режимы, установившиеся сейчас в Средней Азии, — это режимы более или менее жестких личных диктатур президентов — бывших коммунистических руководителей, опирающихся на переименованные компартии, и очень близкие, с одной стороны — к старой советской системе, с другой — ко многим аналогичным диктатурам и монопартийным системам в третьем мире.

Наоборот, в Азербайджане компартия была распущена и коммунистическая система рухнула. К власти пришел Народный фронт, причем пришел почти «классическим» революционным путем, что сопровождалось очень большой, я думаю, большей, чем где-либо в бывших республиках СССР, политической и социальной мобильностью. После отстранения от власти З. Гамсахурдиа в Грузии Азербайджан стал единственной республикой на территории СССР, где у власти находился бывший диссидент — А. Эльчибей, в 70-е годы отсидевший срок за антисоветскую деятельность. Проблема, на наш взгляд, не в утрате Эльчибеем и НФА власти, а скорее в том, в силу каких причин они оказались у власти в стране, по культуре более близкой к Узбекистану и Туркмении, чем, скажем, к Литве и Эстонии. Чтобы понять это, следует уяснить сходства и различия в культурной основе Азербайджана и родственных азербайджанцам тюркских мусульманских народов.

ДЛЯ ВСЕХ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ характерны относительная слабость национального самосознания и большая сила «общемусульманского» самосознания и клановых и локальных, «местнических» связей. Это непосредственно связано с исламом, сакрализирующим и регламентирующим, в отличие от христианства, повседневную сферу жизни людей, прежде всего — жизнь семьи и рода. Быт, семья в мусульманских странах устойчивее и прочнее, чем в христианских, эта сфера, в которую не проникал деспотизм восточных владык, ибо регламентировалась она сакральным и вечным законом, та сфера, в которую мусульманин не позволяет вторгаться никому. «Дом» для него значит больше, чем, например, для русского или украинца. Для самосознания мусульман и людей мусульманской культуры поэтому государственно-национальная принадлежность всегда играла меньшую роль, чем принадлежность к исламу, с одной стороны, и к своему роду и племенной или локальной общности — с другой. И в этом смысле азербайджанец мало отличался от узбека и таджика.

Семейные, клановые, земляческие связи были «последней линией обороны» мусульманских стран от навязывавшейся им большевиками идеологии, чуждой народам этих стран. И эта последняя линия обороны так и не была прорвана. Как любая тоталитарная власть, Советская власть требовала тотального, но при этом скорее формального подчинения. Она требовала, чтобы женщины не носили паранджу, молодежь состояла в комсомоле и т. д. и т. п., но «не видела» реальных отношений между людьми. А в этих реальных отношениях сохранялись мощные, объединяющие ряд поколений патриархальные семьи, громадная клановая и земляческая солидарность и взаимопомощь, традиционные представления об иерархии родов и т. д. И эти реальные отношения постепенно фактически подчинили формально-советские. Важнейшим

средством такого подчинения, мощнейшим орудием обороны традиционного общества была коррупция.

Разумеется, нет таких данных, которые позволили бы сравнить масштабы коррупции в Узбекистане или Азербайджане при Рашидове и Алиеве с ее масштабами в брежневской Москве. Но по тому, как по-разному относятся к ней общества, можно понять различие ее социальных функций. Рашидов, Кунаев и другие практически ничего не потеряли в глазах общества из-за расцветшей при них коррупции, они остались глубоко уважаемыми людьми. То же самое можно сказать и об Алиеве. В 1969 году он начал как борец с коррупцией, достигшей невиданных масштабов при его предшественнике Ахундове, когда чуть ли не все должности (от академика до заведующего лавочкой), которые оставались после распределения среди родственников, открыто продавались. Но впоследствии коррупция вроде бы достигла еще больших размеров, когда все видные должности были заполнены его родичами и нахичеванскими земляками.

Вот как описывает сложившуюся при Алиеве ситуацию в статье «Час откровения» азербайджанский писатель Чингиз Абдуллаев: «В условиях нашей республики местничество приобрело особенно откровенный и издевательский характер. В конце семидесятых правительственными дачами в Загульбе распоряжались несколько родственных кланов, поскольку почти все члены правительства и ответственные работники ЦК были родственниками друг друга. Сквозь такую круговую оборону было нелегко пробиться. В лучшем случае это удавалось сделать за счет удачной женитьбы... Страшное в условиях Азербайджана «харалысан» — откуда ты родом? — разобщило нацию... Лишко-грязное слово «взятка» мы заменили на «хормет» — «уважение» и начали уважать друг друга...» («Бакинский рабочий», 12 октября 1989 года).

Но если это и повредило «имиджу» Г. Алиева, то лишь в глазах небольшого и наиболее «европеизированного» интеллигентского слоя, и сейчас память об «алиевщине» не помешала ему вновь вернуться к власти. Мусульманские народы бывшего СССР были отнюдь не более «аморальны», чем русские или эстонцы. Но господствующая мораль у них несколько иная. Здесь воровство у государства (в конце концов не их государства) — значительно меньший грех, чем, например, отказать бедному пареньку из твоей деревни, просящему устроить его в аспирантуру или милицию, не помочь попавшему в беду земляку или родичу. Ш. Рашидов и Г. Алиев, назначая на выгодные должности своих людей, лишь выполняли свой клановый долг, и эти «свои» люди, проявляя преданность, немислимую в России, где павших политиков тут же бросают все их бывшие друзья, не забыли о них и тогда, когда они и их семьи оказались в беде.

Поразительный факт — вроде бы наиболее коррумпированные среднеазиатские режимы, придерживавшиеся совершенно чуждой народам идеологии, к тому же установившиеся в результате подавления упорного басмаческого сопротивления, в конечном счете оказались самыми прочными. Почему? Да потому, что реально в промадной мере это были уже традиционные режимы, переработанные традицией, — то есть «нормальные» восточные монархии-диктатуры, с «нормальной» иерархией кланов, так же спокойно воспринимавшиеся людьми, живущими в основном интересами своих семей и кланов, как на мусульманском Востоке неизменно воспринималась государственная власть, внешне деспотичная, на деле же — ограниченная традиционным правом и мало вторгающаяся в устойчивую сферу повседневной жизни народа.

Ахундовский и алиевский Азербайджан можно назвать копией рашидовского Узбекистана. И все же в Азербайджане «дремота» общества была нарушена, к власти пришел НФА. Почему? На наш взгляд, для

этого были две причины. Одна — относительно глубокая, связанная с особенностями азербайджанской истории и культуры, другая — более поверхностная, ситуативная, связанная с карабахским конфликтом.

В ОТЛИЧИЕ ОТ СРЕДНЕЙ АЗИИ Азербайджан дольше находился под колониальным российским управлением. В нем успел возникнуть не только относительно большой слой чиновников и интеллигентов, но — после нефтяного бума конца прошлого века — в какой-то мере и слой буржуазии (роль азербайджанской буржуазии на деле была несравненно меньше, чем русской и армянской), сосредоточенный в основном в Баку и в социальном и культурном отношении живший как бы в двух мирах. С одной стороны, это были в основном представители «хаңско-бекской» аристократии, связанные с народом традиционными узами, с другой — европейски образованные люди, жившие русскими и европейскими идеями и интересами. В этом слое происходили интенсивные культурные и идеологические процессы, развивавшиеся, как это свойственно аналогичным социальным слоям во всех колониальных странах, — от стадии горячей преданности колонизаторам, открывшим двери европейской культуре, к сочетанию более глубокого ее усвоения с ее идейным отторжением, к построенному по европейским моделям, но «антиевропейскому» национализму.

При едва ли не полном отсутствии в народе национального самосознания, очень сложном характере азербайджанской культуры, сочетающей кавказские дотюркские, тюркские и иранские элементы, конструирование азербайджанского национализма было не простым делом. В конце концов победу одержала пантюркистская ориентация, отодвинувшая в сторону панисламизм (не столько религиозное, сколько культурное течение, не имеющее ясных европейских аналогов) и ориентацию на Иран. Причины победы тюркистской ориентации, очевидно, во-первых, в том, что в европейском национализме особую роль играл язык (панславизм), во-вторых, в притягательности Турции как самой сильной и наиболее успешно европеизирующейся мусульманской страны. Азербайджанские эмигранты из царской России, прежде всего А. Гусейн-заде, оказали громадное влияние на развитие турецкого пантюркизма. Этот пантюркизм, вначале — романтический и догматический, видящий во всех тюрках просто единую нацию, затем — «смягчившийся» и подчеркивающий особенность Азербайджана в семье тюркских народов, сочетался с принятием европеизированной азербайджанской элитой либерально-демократических ценностей.

Идеология либерально-демократического тюркизма, воплощавшегося партией Мусават, господствовала в Азербайджанской республике (АР) — афемерном государственном образовании, возникшем после распада Российской империи и через два года уничтоженном Красной Армией.

Практически очевидно, что либерально-демократический тюркский национализм представлял собой идеологию узкого верхушечного слоя, не проникшую в народные массы, и те, кто отдавал голоса за выразителей этой идеологии на выборах в Российское Учредительное собрание (депутаты этого собрания от Азербайджана затем составили основу парламента АР), выступили просто в поддержку представителей традиционной элиты, за своих беков. Об этом говорит и та легкость, с какой Азербайджан перешел под контроль Красной Армии, и то, что возникшее затем вооруженное сопротивление разворачивалось не под мусаватистскими лозунгами, а скорее представляло собой традиционалистское сопротивление по типу среднеазиатского басмачества.

Скорее всего, сохранись провозглашенная в 1918 году азербайджанская независимость, идейное и политическое развитие Азербайджана пошло бы не по либеральному мусаватистскому руслу, а эпизод АР, видимо, значил бы в истории Азербайджана не больше, чем конституционализм 1906 года в истории Ирана. Но как раз насильственная ликвидация АР Красной Армией придала мусаватистскому эпизоду колоссальное идеологическое значение.

Дело в том, что АР — фактически единственное государственное образование с несомненным национально-азербайджанским лицом в истории Азербайджана, не знавшей ни непрерывной, уходящей корнями в далекое прошлое языковой и культурной традиции (как иранцы), ни мощных империй (как турки и те же иранцы). Поэтому когда азербайджанский интеллигент хочет указать, в чем Азербайджан лучше других, впереди других, он неизбежно говорит о процессе европеизации конца прошлого — начала нашего века, завершением и кульминацией которого была АР: «Первый драматург Востока, первые ласточки драматического и оперного театрального искусства, первая в Российской империи мусульманская газета, первый республиканский государственный строй (в этом последнем наш приоритет распространяется на весь мусульманский восток...)» (*Анар*. Шелковый путь. — «Бакинский рабочий», 16 июня 1992 года).

Возникший затем в советском Азербайджане азербайджанский национализм не мог не обращать своих взоров к этому периоду, не мог не поднимать красно-сине-зеленое знамя (где красное означает демократию, синее — тюркизм, а зеленое — ислам), не мог не делать кумиром Мамед Эмина Расул-заде, лидера АР — у него просто не было иной достаточно прочной точки опоры в национальной истории. И следовательно, он не мог не воспроизводить господствовавшую в АР комбинацию тюркизма и либерального демократизма. Своей ранней и насильственной смертью АР, может быть, больше сделала для придания специфически «западнической», либеральной окраски последующей идеологической эволюции Азербайджана, чем если бы сохранилась, наверняка видоизменившись во что-нибудь совсем не демократическое.

В своей инаугурационной речи А. Эльчибей говорил: «В эти дни мы все с безграничным почтением... вспоминаем май 1918 года, наших славных предшественников, первыми на Востоке объявивших об установлении республиканского правления и выбравших прогрессивный путь демократического развития...» («Бакинский рабочий», 17 июня 1992 года).

Как во всем СССР, социальная эволюция в советском Азербайджане вела к появлению все более «укоренявшегося», все более упрочивавшего свое положение слоя бюрократически-интеллигентской элиты, которому постепенно становилось все теснее в коммунистических и советских рамках. Но в азербайджанском обществе, в основе своей — восточном (АР-овский эпизод мало затронул психологию и культуру массы народа, и все носители мусаватистской идеологии были уничтожены еще в 20-е годы), национальное самосознание и потенциальная оппозиционность этого слоя были все же более слабыми, чем в Прибалтике, на Украине, в Молдавии, Грузии и Армении. Часть этого интеллигентского слоя подверглась столь сильной русификации, что просто утратила язык, а вместе с ним — в буквальном смысле — возможность говорить со своим народом на одном языке. Интеллигенция оказалась слишком русифицирована, слишком разобщена клановыми связями и распрями, слишком коррумпирована, чтобы быть способной выступить в роли относительно сплоченного передового отряда национального движения, как, например, в соседней Армении. Сам народ

тоже оказался разобщен, мало ощущая себя нацией, слишком, как и среднеазиатские народы, погружен в «узкие» интересы своих мирков.

Конечно, и в Азербайджане были свои диссиденты и полудиссиденты, у которых в отличие от их среднеазиатских собратьев имелась своя ясная идеологическая модель — АР. Наиболее яркая фигура из них — будущий лидер НФА и президент А. Алиев, принявший затем тюркизированную фамилию-псевдоним Эльчибей. Но практически несомненно, что, не будь внешнего толчка, развитие Азербайджана приняло бы форму, значительно более напоминающую узбекскую или казахскую, чем ту, которую оно приняло на самом деле.

Этот внешний толчок шел от армянского карабахского движения, появление которого для массы азербайджанцев явилось неожиданным шоком. Из Карабаха и Армении хлынул поток беженцев — в массе своей малообразованных крестьян, озлобленных и дезориентированных. В феврале 1988 года Азербайджан, Армения и весь СССР были потрясены вестью о сумгаитском погроме.

В клановом азербайджанском обществе, где формальные законы совершенно не соответствовали реально действовавшим, политика в громадной мере — дело разных тайных сил и тайных сговоров. В Эстонии или Литве вы можете разобраться в политике из газет. В Азербайджане — нет. Сумгаит — первое из длинной вереницы событий, вокруг которых создавались мифы и легенды и которые действовали на сознание народа, как серия непонятных шоковых ударов, ведя к бурному, взрывному росту национального самосознания. Взбурораженные низы азербайджанского общества — а они были тем горючим материалом, который или самовоспламенился в Сумгаите, или к нему кто-то умело подбросил спичку, — и беженцы из Армении устремились на площади больших городов, увлекая за собой обычно спокойно «спящую», а теперь — внезапно и быстро политизирующуюся народную массу. Этот выход на улицу народных низов ускорил создание НФА и одновременно придал ему облик, очень отличный от облика его прибалтийских или иных аналогов.

НФА вначале развивался по классической общесоветской схеме. Группа молодых интеллигентов («Клуб бакинских ученых»), не всегда самых успешных в академической сфере, но энергичных, почувствовавших в начинающейся общесоюзной демократизации возможности быстрой социальной мобильности, опиралась, как и везде, на поддержку менее энергичных и более пожилых, но обладавших очень прочным статусным положением представителей интеллигентской элиты и вступила в отношения «взаимного подмигивания» с частью партийной верхушки. (В Азербайджане это мало связанный с Азербайджаном бывший дипломат А. Везиров, после Сумгаита сменивший Багирова — преемника и ставленника Алиева, и ставший Предсовмина бывший директор завода Аяз Муталибов.) Но выход на площадь реальных низов общества срывает эту схему.

Либералы из «бакинских ученых» не могут найти с этими людьми общего языка (иногда — в буквальном смысле слова: мы говорили уже о языковой ситуации в Азербайджане, где многие представители интеллигенции плохо знают родной язык, а в народе многие вообще не понимают русского). Митинги выдвигают лидеров другого типа — вроде молодого рабочего завода им. Шмидта Н. Панахова, по-русски практически не говорящего, но прекрасно умеющего управлять толпой. Соответственно происходят подвиги в НФА. Возглавляемая братьями Али-заде и Л. Юнусовой либеральная группа к январю 1990 года вытесняется из НФА и создает свою Социал-демократическую партию. Власть в НФА оказывается в руках Абульфазы Эльчибея, единственного «настоящего» азербайджанского диссидента, человека, известного

своим бескорыстием (буквально до дня своей президентской инаугурации, например, он жил в квартире на седьмом этаже типичной бакинской «хрущобы», очень маленькой и бедной, и вдобавок принадлежащей не ему, а его брату) и идеологически воплощавшего европеистски-тюркистский, в духе АР 1918—1920 годов, вариант национализма. Он — интеллигент, востоковед по профессии, но интеллигент первого поколения, выходец из нахичеванской деревни, плохо говорящий по-русски (хуже, чем на арабском, персидском, турецком), но способный завораживать толпу речами о великом тюркском народе, о неизбежной гибели СССР — Российской империи, завоевавшей Азербайджан и уничтожившей прекрасное государство, не менее демократическое, чем теперешние США или Франция, и, если бы не коммунисты, ставшее бы не менее богатым, чем Кувейт и Саудовская Аравия, — Азербайджанскую Республику.

НФА, лепившийся изначально по эстонской модели, превращается в очень своеобразную организацию, охватывающую скорее низы взбуряженного восточного общества, где основной «ударной силой» являются малограмотные беженцы из Армении, а руководят ими скорее интеллигенты первого поколения, выходцы из деревень, но с идеологией, сочетающей тюркский национализм с почти догматически воспринятым «западничеством». Эта организация оказалась значительно более аморфной и более бунтарской по своим методам, отшатнувшись и испугавшись и без того достаточно осторожную и неуверенную в себе бакинскую интеллигентскую верхушку, чем одноименные организации в других республиках бывшего СССР.

ПРИ УТРАТЕ сильной центральной власти общество, живущее скорее местническими и клановыми интересами и связями, чем общенациональными, легко переходит в состояние анархии, борьбы отдельных кланов и группировок. В самой яркой форме это проявляется в Афганистане и Таджикистане. В более мягкой то же самое начало возникать и в Азербайджане, где национальный подъем, вызванный требованиями передачи Армении Карабаха, дестабилизировал власть и к январю 1990 года привел к ситуации полуреволюции-полуанархии.

А. Везиров, не пользовавшийся ни малейшей популярностью, не умевший толком говорить на родном языке и вызывавший насмешки своими «казенными» демонстрациями дружбы с армянским руководством (в народе его называли Везирианом, а армянского первого секретаря ЦК С. Арутюняна — мадам Везировой), быстро утрачивал власть. К январю 1990 года в Баку власть фактически ушла из его рук, еще не перейдя до конца в руки НФА. В ряде же городов местные группировки НФА уже захватили власть классическим революционным путем, просто изгнав старое руководство. В это время начинаются армянские погромы в Баку. Они были вызваны присутствием массы беженцев, не знающих, что им делать, — крестьян, оказавшихся в большом городе, не имеющих жилья и с завистью взирающих на квартиры богатых армян. Но как и в сумгаитских событиях, здесь тоже имела мощная «подводная часть айсберга». Для большинства азербайджанцев бакинский погром, которого руководство НФА, безусловно, не хотело и даже организовало спасение армян (хотя и создало благоприятную для его возникновения психологическую обстановку) — это казэбашно-московско-армянская провокация. Что здесь от провокации и чья она — сказать, конечно, трудно, но то, что милиция и внутренние войска, имевшие полную возможность пресечь погромы, бездействовали, а затем, когда армян в городе уже не осталось, в Баку неожиданно, истребляя всех на

своем пути, вошли советские войска (причем Д. Язов открыто заявил, что цель ввода войск — уничтожить структуры НФА) — это факты.

После кровавой бани в Баку неудачник А. Везиров отстраняется и к власти приходит А. Муталибов. Он был очень неглупым политиком. Обязанный своим возвышением «советским штыкам», он тем не менее сумел создать себе определенную внутреннюю поддержку. Частично это была традиционная, клановая поддержка, обеспечивавшая ему, когда нужно, уличную толпу — со стороны цветочников бакинских пригородов, объединившихся в общество «Гардашлык», и общества «Товбе», созданного обратившимся к Богу бывшим уголовником и наркоманом Г. Абдулом. Но главную поддержку он пытался создать себе, доводя до общества и прежде всего до напуганной январем 1990 года бакинской интеллигентской элиты следующие мысли: все мы стремимся к одному — к независимому Азербайджану и западного типа демократии (при А. Муталибове происходит активное возрождение АР-овской символики). Но Азербайджан еще не может быть демократическим обществом. Нужен переходный период мягкого, «интеллигентного» авторитаризма, альтернатива которому — не демократия, а анархия, власть толпы, которая уже проявила себя в январе 1990 года. «Образно говоря, она, — заявлял он в одном из своих многочисленных интервью о компартии, — тот фермент, без которого у нас невозможно нарастить слой политической цивилизованности, демократического общества» («Бакинский рабочий», 16 сентября 1990 года). А. Муталибов всячески подчеркивал, что он — настоящий бакинский интеллигент, сын доктора наук, просто оказавшийся (так уж получилось) на партийной работе, и даже цитировал в своих интервью Ж. Ж. Руссо.

И надо сказать, А. Муталибову многое удалось. Значительная часть интеллигентской элиты, которая в других республиках находилась в оппозиции коммунистам, в Азербайджане, напротив, поддерживала его. Социал-демократы, например, вытолкнутые из «плебейского» Народного фронта, с охотой взяли на себя роль «витринной» оппозиции.

Но главное, что работало в пользу Муталибова, — даже не какая-то особая поддержка, а та легкость, с которой азербайджанское общество, как и вообще общества мусульманской культуры, переходит от бунта и анархии к успокоению, принимая безразлично-лояльно любую власть, если она действительно опирается на какую-то силу. Муталибову удалось осенью 1990 года провести выборы в Верховный Совет, выборы, конечно, не демократические, «сдирижированные», но все же не чисто формальные, и в какой-то мере отражающие народное сознание. Кроме небольшой группыки народнофронтовцев, в какой-то мере — допущенных для создания демократического облика, все депутаты — лидеры местных властных элит. Традиционные «знатные колхозницы» исчезли. Не прошло, или прошло лишь при повторном голосовании, под усиленным воздействием правительства, много представителей интеллигентской верхушки, известных в Москве и Баку, но не имеющих реальной власти (даже шейх-уль-ислама смогли провести лишь при повторном голосовании). Зато появились, наряду с первыми секретарями райкомов и председателями райисполкомов, руководители районных отделов КГБ и ОВД, районные прокуроры и «обилие депутатов — руководителей разного рода пищевых, снабженческих и заготовительных предприятий, объединений, хозяйств — директоров мясо- и хлебокомбинатов, заготконтор, консервных заводов, плодоовощных объединений и т. д.» (С. Абдуллаева, Г. Тагиева. Парламент наших надежд? — «Бакинский рабочий», 12 октября 1990 года). Та реальная элита, которая раньше старалась держаться в тени, на этот раз непосредственно взяла власть в руки, и народ более или менее послушно за нее проголосовал. Муталибову удалось провести и референдум об СССР в марте 1991 го-

да, давший полную народную поддержку «империи» (из 74,9 процента участвовавших 93,3 процента сказали «да» — результат, разумеется, подтасованный, и все же — не полностью подтасованный) и даже, уже под занавес, в сентябре 1991 года быть выбранным президентом, без соперников, всенародным голосованием, получив 98,5 процента от участвовавших 85,7 процента.

Но превратиться в азербайджанский вариант Каримова или Назарбаева, от которых он идейно мало отличался, Муталибову не дали события в Карабахе. Весной 1991 года ему удалось руками Советской Армии провести успешные операции по захвату и депортации армянских сел, но распад СССР и смена в Москве Горбачева Ельциным, которого он оттолкнул, неосторожно выразив поддержку ГКЧП, решили его судьбу. Провозглашение независимости и серия катастроф на фронте, прежде всего — резня, устроенная армянами в Ходжалы, — все это вновь всколыхнуло общество, подняв популярность НФА.

Муталибов судорожно пытался создать новую символическую легитимизацию своей власти. Одержав «победу» на президентских безальтернативных выборах, в том же сентябре 1991 года он созывает Чрезвычайный съезд Коммунистической партии Азербайджана, на котором она заявляет о своем самороспуске (событие, прошедшее почти незамеченным, ибо роль коммунистической идеологии в азербайджанском обществе была совершенно ничтожна, а партийная иерархия представляла собой лишь внешнюю форму реальной иерархии власти, которую роспуск КПА затронул очень мало). Под все усиливавшимся давлением руководимой НФА площади Муталибов и Верховный Совет пошли на создание в декабре 1991 года очень странного временного органа — Национального собрания из 50 человек, куда вошли 25 депутатов-«партократов» и 25 — народнофронтовцев (чуть ли не все депутаты НФА), которому частично были переданы полномочия ВС. Но после ходжалинской трагедии измученный, очевидно, до предела своих психических сил Муталибов (это видно из его «Обращения к народу», опубликованного 21 февраля 1992 года, и его трагического и болезненного интервью «Комсомольской правде» 5 марта) уходит в отставку.

Некоторое время исполнение обязанностей главы государства выпало на долю компромиссной фигуры — непопулярного Я. Мамедова. 14 мая, мобилизовав свою уличную поддержку («Гардашлык» и «Товбе») и заручившись поддержкой большинства Верховного Совета, Муталибов попытался произвести «контрпереворот», но тут же был отстранен почти классической народной революцией 15 мая, когда грандиозная толпа сторонников НФА захватила практически без сопротивления (погиб один человек и трое ранено) здание Верховного Совета и уже покинутый бежавшим президентом президентский дворец.

ВЛАСТЬ НФА получила легализацию на всенародных президентских выборах, фактически первых «честных» и демократических выборах в истории Азербайджана (если не считать выборов в Учредительное собрание в 1917 году) в июне 1992 года, принесших большинство голосов А. Эльчибею (он получил 60 процентов голосов, его основной соперник Н. Сулейменов — 33, Я. Мамедов — 1,7 процента). Демократы пришли к власти благодаря сочетанию бескровной народной революции и выборов.

Первые шаги новой власти были очень удачны. В результате летнего наступления в Карабахе было занято два района (как все наступления и армян и азербайджанцев, оно проводилось с использованием вооружения и поддержки российской армии, насколько предоставлен-

ных из «высших соображений», а насколько просто купленных — об этом одному Богу известно).

Новой власти удалось сбить нарастающую волну преступности (естественно, имеется в виду неорганизованная преступность, проявляющаяся в убийствах, изнасилованиях, ограблениях). Была проведена реформа системы поступления в вузы — введена тестовая система, практически исключая коррупцию, что, естественно, вызвало колоссальное недовольство профессорско-преподавательского состава (ибо, по словам А. Эльчибея, за деньги поступали около 80 процентов студентов; о том, сколько людей поступало без денег, но по протекции, он не говорил), но что в конечном счете могло бы значительно изменить характер азербайджанской интеллигенции. Был принят демократический закон о культурной автономии нацменьшинств, и правительству в основном удалось погасить их страх перед тем, что пришедшие к власти националисты будут их притеснять. Но дальше дела пошли хуже.

Главным противоречием азербайджанского общества новейшего периода и особенно — периода народнофронтовского правления явилось противоречие между доминирующей идеологией, идеологией АР, и реально значительно более «восточной» психологией.

Эльчибей проводил политику ориентации на Турцию и западные демократии. Турция для него прежде всего — демократическая тюркская страна. В своей речи во время поездки в Турцию, очень странно звучащей для русского читателя, у которого эта страна по традиции часто ассоциируется прежде всего с султанами, жынычарами и армянским геноцидом, он говорил: «Священна анатолийская земля, в которой покоится прах... Мустафы Кемаля Ататюрка... Адама Мицкевича и других борцов за свободу. Стамбул всегда был открыт для всех, кому дороги идеи свободы» («Бакинский рабочий», 30 июня 1992 года). Он постоянно подчеркивал свои симпатии к Израилю и антипатии к фундаменталистскому Ирану, угнетающему южных азербайджанцев. Он отказывался войти в СНГ, не стеснялся высказываться о среднеазиатских режимах следующим образом: «...Через несколько месяцев растущее там народное движение сметет нынешнее руководство — сейчас невозможно задушить стремление народов к свободе» («Свобода», № 21 (37), 19 июня 1992 года), принимал у себя бежавших из Средней Азии диссидентов. Не боялся дразнить Ельцина, заявляя, что из всех государственных деятелей России наибольшие заслуги перед демократией принадлежат все-таки Горбачеву, и посылая М. Шаймиеву в связи с принятием Татарстаном новой конституции длинную поздравительную телеграмму, в которой говорилось о колониальном угнетении, «героическом татарском народе» и о том, что «конец XX столетия знаменуется пробуждением и возрождением тюркского мира» («Вышка», 12 ноября 1992 года).

Создается ощущение, что он просто не отдавал себе до конца отчета в том, что Азербайджан — не западная страна и даже не Турция, прошедшая очень длительный путь к демократии, через серию периодов сползания в анархию и военных диктатур, выведивших ее из этой анархии, и что май 1992 года — это отнюдь не азербайджанский вариант Французской революции, которая могла бросать вызов всем своим соседям одновременно.

Между тем реальная поддержка народнофронтовской идеологии была очень слаба. Массовая поддержка НФА была связана не столько с тем, что народ действительно разделял народнофронтовский «западнический» вариант национализма, сколько с национальным подъемом, вызванным особой ситуацией, прежде всего — войной в Карабахе. Долго такой подъем продлиться не мог.

Самые культурно-вестернизированные (русифицированные) слои бюрократии и интеллигенции вовсе не приветствовали царство народнофронтских «выскочек», с ностальгией вспоминали недавнее прошлое. А сами эти «выскочки», даже если они разделяли идеи Эльчибея, психологически оставались в большинстве своем нормальными представителями своего общества. Может быть, психологически они даже были еще менее готовы жить в условиях демократии, чем отстраненные ими «партократы».

Одним из проявлений поверхностности народнофронтского демократизма стало то, что новые лидеры не хотели проводить выборы в Верховный Совет, предпочитая иметь дело с послушным Национальным собранием, запуганные коммунистические депутаты которого проявляли полное послушание (за что народнофронтовицы впоследствии и поплатились, ибо так же послушны эти депутаты оказались силам, пришедшим к власти в результате гусейновского путча). Демократический правопорядок в насквозь коррумпированном обществе был практически невозможен и, очевидно, лично честный и храбрый министр внутренних дел И. Гамидов (один из революционных «выскочек», бывший преподаватель математики) приходил с телохранителями к «подпольным», но всем известным миллиардерам, и «уговаривал» их отдать хотя бы один миллиард народу, выступая, таким образом, в роли «честного рэкетира» вроде Робин Гуда. Он же прославился и тем, что являлся к оскорблявшим его газетчикам и собственноручно бил их (действуя, как он объяснил, не как министр, а как оскорбленный мужчина). После очередного такого избиения, которому подвергся лидер социал-демократов З. Али-заде, А. Эльчибей вынужден был отстранить Гамидова.

Одновременно в стране происходил захват постов, от самых верхов до уровня руководителей ЖЭКов — формально по политическому, фактически же, очевидно, в большей мере — по обычному для Азербайджана клановому принципу. Коррупция, если она в принципе могла достичь еще больших, чем прежде, размеров (о ее росте говорится сейчас по отношению к каждому из азербайджанских режимов), то достигла.

Старые генералы Советской Армии, вызывавшие подозрения в своем патриотизме, были отстранены от военного руководства, передаваемого людям типа Р. Газиева и С. Гусейнова — молодым директорам предприятий, организовывавшим покупку оружия и людей в российской армии и на собственные деньги вооружавшим отряды «своих» людей. Эти отряды никому не подчинялись, кроме своих «атаманов», и распределение боеприпасов между ними шло по клановому признаку («своим» людям даются танки, «чужим» — не даются). Естественно, что при этом успехи лета 1992 года сменились на фронте топтаньем на месте, а затем — колоссальным провалом кельбаджарского наступления.

Недовольство политикой НФА росло. В Азербайджане, как и везде в постсоветском пространстве, брали верх усталость, некоторое разочарование в демократах и ностальгия по старым временам.

Тем не менее удар по А. Эльчибею и НФА был нанесен именно тогда, когда, казалось, перед Азербайджаном открываются какие-то перспективы. Эльчибей вроде бы начинал наводить порядок в армии, отстранив Р. Газиева (которого наш министр П. Грачев назвал в телевизионном интервью своим другом) и С. Гусейнова, который, однако, устранившись не пожелал и увел свой батальон в Гянджу, месторасположение последней оставшейся на территории Азербайджана российской части, где «достать» его было трудно. Были проведены аресты ряда офицеров. О том, что это были офицеры и какие состояния наживались на карабахской войне, свидетельствует хотя бы то, что у одного из них, начальника финансового управления Министерства обороны при Р. Га-

зиеве, было обнаружено 1,5 миллиона долларов США и двадцать миллионов российских рублей (см. «Свобода», № 46, 29 апреля 1993 года). Явно наметился сдвиг в сторону какого-то компромиссного мира с Арменией, согласившейся вывести свои войска из Кельбаджара. Практически были готовы к подписанию договоры с западными нефтяными компаниями, которые проявили готовность влить в экономику Азербайджана миллиардные капиталовложения. И, может быть, самое главное — было решено осенью провести выборы в Верховный Совет.

Таким образом, создается впечатление — дотяни Азербайджан хотя бы до осени, до выборов, европейская форма, надетая на себя этим обществом, может быть, и прижилась бы. И демократия в Азербайджане, в обществе, где демократическая идеология обладала своеобразными и прочными идейными корнями (традиция АР), но не имела достаточных психологических корней, смогла бы укрепиться, а сказка об АР как демократической республике в тюркском мусульманском обществе стала бы реальностью.

О том, что произошло на самом деле — мы знаем. Вернее, знаем часть внешней канвы событий, знаменующих собой возвращение Азербайджана к норме третьего мира — к диктатуре, ограниченной относительно легкой возможностью установления другой диктатуры. В целом же события последних лет и не выходят за пределы этой нормы — слабые, формальные и коррумпированные демократии третьего мира десятки раз сменялись диктатурами, через какое-то время вынужденными вновь уступать место демократиям, и т. д. Азербайджан упустил шанс и включился в этот типичный «третьемировский» цикл, выйти из которого несравнимо труднее, чем в него войти.

НЕУДАЧА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ, разумеется, связана прежде всего с состоянием общества. И все же в какой-то (меньшей, чем склонны думать сами азербайджанцы) мере судьба Азербайджана зависела и от внешних сил. В европейском и американском обществах и в умах психологически зависящих от них русских западников существует глубочайшее недоверие к мусульманам и обществам мусульманской культуры, постоянно приводящее к «двойному стандарту». К этому прибавляется колоссальная роль армянской пропаганды, опирающейся на армянскую диаспору и на те же самые анти-мусульманские чувства. Все плохое, что мы узнаем о странах мусульманской культуры, ложится на уже существующий негативный образ, все хорошее — отвергается. В итоге получается: Сумгаит, бакинские погромы армян — это «нормально», это подтверждает уже сложившийся образ. Если же совершаются зверства с другой стороны, вроде ходжалинских, — то это или просто неправда, или какая-то странная случайность. Если мы слышим о коррупции в Азербайджане, о преследованиях меньшинств, об исламском фундаментализме (которого пока что как реальной силы нет, но, наверное, он все же возникнет) — все это представляется «нормальным». Но когда мы слышали (а мы не очень-то и слышали) о безусловно искренней либерально-западнической ориентации Эльчибея и его сподвижников, — это казалось или игрой, или, во всяком случае, чем-то несерьезным.

И это не просто бытовое восприятие, это — восприятие, влияющее на реальную политику. США отказались предоставить помощь Азербайджану под давлением армянского лобби. Никто не решался сказать, что роль Армении в карабахском конфликте абсолютно аналогична роли Сербии в Хорватии и Боснии.

За недоверием Запада и западников к мусульманскому миру кроются не просто предрассудки. Здесь есть и толика правды. Особенности

культуры мусульманских стран, действительно, затрудняют переход к демократии современного типа. Но, во-первых, — лишь затрудняют, замедляют, но не исключают, и пусть даже Турция не полностью стабилизировавшееся демократическое общество, все же предстоящий ей путь до такого общества куда ближе, чем тот, что пройден ею от оттоманских времен. Во-вторых, казалось бы, именно поэтому ростки демократии в этих странах должны особенно приветствоваться. На деле все обстоит наоборот. Недоверие порождает равнодушие и даже негативное отношение к этим росткам, и если А. Эльчибей все же был западником, то не из-за позиции Запада, а вопреки ей.

О позиции же России говорить вообще не приходится. Ее, очевидно, просто нет. Есть отдельные интересы отдельных сил, побуждающие поставлять оружие и солдат как армянам, так и азербайджанцам, на чем, несомненно, наживаются колоссальные деньги, по сравнению с которыми полтора миллиона долларов, найденные у азербайджанского военного, очевидно, — гроши. Есть чисто «инстинктивная» великодержавность, нежелание ниоткуда «уходить», стремление наказать проявляющих чрезмерную независимость, вообразивших себя чуть ли не суверенными государствами. Есть просто личные симпатии и антипатии, делающие А. Эльчибея, безусловно, менее приятным собеседником, чем простые и ясные фигуры типа Кравчука и Каримова, с которыми можно понимать друг друга с полуслова. Есть армянское лобби и проармянские симпатии. И есть, наконец, полное безразличие «демократической общественности» к реальной судьбе наших бывших братских народов — и азербайджанского, и армянского, и любого другого.

На слушаниях по Азербайджану, организованных комиссией американского Конгресса (на которых присутствовало много армян и ни одного азербайджанца), американский ученый Т. Гольц, один из очень немногих западных гуманитариев, которые побывали в Азербайджане и в какой-то мере разобрались в том, что там происходит, сказал: «...Испытывая смешанные чувства волнения и удовлетворения при наблюдении за демократическими процессами, идущими в таком необычном для этого месте и при таких неблагоприятных обстоятельствах; я глубоко пессимистически отношусь к будущему правительства Народного фронта, так же как и к стабильности в Азербайджане...» («Вышка», 27 февраля 1993 года). Умный, доброжелательный, но беспристрастный наблюдатель оказался прав. Азербайджанская либеральная «западническая» демократия была слабым растением и в 1920-м, и в 1993 годах. В первый раз ее без труда растоптала Красная Армия, во второй раз ту же функцию взял на себя человек, испытывающий ностальгию по советским временам и типично «третьемировскую» нелюбовь к Западу (см. его интервью в «Известиях», 26 июня 1993 года), вооруживший на собственные деньги батальон и получивший дополнительное оружие от ушедших из Гянджи российских частей, бывший директор фабрики, о котором с восторгом пишет «Правда», именуя Гянджу по-старому — Кировабатом («Правда», 25 июня 1993 года).

Баку — Москва, июль 1993 года